

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.35>

Лобова Татьяна Геннадьевна, Ражина Наталья Юрьевна, Маковецкая Елена Николаевна

Экологизация общения в условиях "антропологической катастрофы"

Цель исследования - философский анализ идеи "экологичного общения", которая лежит в основе современной модели общения. Под экологизацией общения понимают форму "ненасильного общения", позволяющую сделать процесс коммуникации наиболее эффективным для всех его участников. Однако, данная позиция, по мысли авторов, должна быть дополнена философско-антропологическим подходом, подчеркивающим экзистенциальную обусловленность коммуникации. Проблематизируя "экологичное общение", в связи с информативным и глубинным уровнями коммуникации, авторы видят научную новизну в выявлении неоднозначности экологизации коммуникации, ее противоречия экзистенциальному самоопределению личности, которое является результатом диалектической взаимосвязи индивидуализации и соучастия. Полученные результаты показали, что технологизация процесса общения и изменение установок социального бытия современного человека позволяют конкретизировать ситуации межличностного взаимодействия, где экологичное общение действительно обнаруживает свою релевантность и целесообразность, выступая формой адаптации к условиям новой коммуникативной среды.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/10/35.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 192-196. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

25. **Рейтинг стран по количеству людей с высшим образованием** [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/media/show_me_world/reiting-stran-po-kolichestvu-liudei-s-vysshim-obrazovaniem-5eb03d746c1563221812375f (дата обращения: 08.08.2020).
26. **Сапрыкин Д. Л.** Образовательный потенциал Российской империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.
27. **Фуко М.** Око власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. С. Ч. Офертаса; под общ. ред. В. П. Визгина, Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. С. 220-247.
28. **Шапошников Г. Н.** Процессы модернизации и информационные революции // История науки и техники в современной системе знаний / под ред. В. В. Запарий. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2016. С. 234-242.
29. **Шваб К.** Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 209 с.
30. **Шваб К., Дэвис Н.** Технологии четвертой промышленной революции / пер. АНО ДПО «Корпоративный университет Сбербанка». М.: Эксмо, 2018. 320 с.
31. **Шумпетер Й. А.** Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008. 864 с.
32. **Black Mirror and Philosophy: Dark Reflections** / ed. by D. K. Johnson; series editor W. Irwin. Hoboken, N. J.: John Wiley and Sons, 2020. 352 p.

Role of Education in the Fourth Industrial Revolution (Social-Philosophical Analysis)

Korzina Maria Igorevna

*Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk
m.korzina@mail.ru*

The study aims to reveal social and historical features of the influence that industrial revolutions in general and the Fourth Industrial Revolution (Industry 4.0) in particular have on social functions of educational institutions within the framework of a social-philosophical analysis. The article summarises and analyses the social-philosophical forecasts characterising revolutionary shifts in the processes of acquiring, distributing and transferring knowledge through the education system in the context of such a phenomenon as the Fourth Industrial Revolution. Scientific novelty of the research lies in developing a concept of relationship between industrial revolutions and the education system. As a result, the main probabilistic fundamental technical and social events, which are of paramount importance for reproduction of the education system, are identified and characterised.

Key words and phrases: social philosophy; Fourth Industrial Revolution; Industry 4.0; augmented reality; education.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.35>

Дата поступления рукописи: 07.04.2020

Цель исследования – философский анализ идеи «экологичного общения», которая лежит в основе современной модели общения. Под экологизацией общения понимают форму «ненасильственного общения», позволяющую сделать процесс коммуникации наиболее эффективным для всех его участников. Однако, данная позиция, по мысли авторов, должна быть дополнена философско-антропологическим подходом, подчеркивающим экзистенциальную обусловленность коммуникации. Проблематизируя «экологичное общение», в связи с информативным и глубинным уровнями коммуникации, авторы видят **научную новизну** в выявлении неоднозначности экологизации коммуникации, ее противоречия экзистенциальному самоопределению личности, которое является результатом диалектической взаимосвязи индивидуализации и соучастия. **Полученные результаты** показали, что технологизация процесса общения и изменение установок социального бытия современного человека позволяют конкретизировать ситуации межличностного взаимодействия, где экологичное общение действительно обнаруживает свою релевантность и целесообразность, выступая формой адаптации к условиям новой коммуникативной среды.

Ключевые слова и фразы: экологизация; индивидуализация; экологичное общение; «антропологическая катастрофа».

Лобова Татьяна Геннадьевна, к. филос. н., доц.

Ражина Наталья Юрьевна, к. пед. н., доц.

*Омский государственный медицинский университет
kafphil@mail.ru*

Маковецкая Елена Николаевна, к. филос. н.

*Финансовый университет при Правительстве РФ (Омский филиал)
romanova_x@mail.ru*

Экологизация общения в условиях «антропологической катастрофы»

Результатом критического осмысления последствий «технологической рациональности» (Г. Маркузе) с ее прагматичностью и эксплуатацией как природы (ее ресурсов), так и человека стали, во-первых, актуализация и разработка экологической парадигмы и ее ценностей; во-вторых – развитие экологического подхода в отношении культуры в целом и человека – в частности; в-третьих – выявление разных уровней и сфер применения экологического подхода. Экологическая парадигма сегодня представляет собой теоретический уровень: разработка модели экологического поведения (П. Стерн) и принципов экологического сознания, идеи нового знания – экогуманистики; а также практический уровень своей реализации: программа внедрения и использования

принципов Sustainability («устойчивого развития») в сфере политики, экономики, производства. Кроме того, повседневная жизнь человека с его бытовыми запросами подчиняется тренду «экологичности»: продукты питания, образ жизни, интерьер, архитектура и ландшафтный дизайн, бьюти-индустрия, мода, общение.

Актуальность данного исследования состоит в выявлении тех онтологических изменений, которые происходят с современным человеком и определяют основания парадигмы *экологизации его жизни в целом*. Существующий запрос на «экологичность» не ограничивается вопросами экологической безопасности. Именно поэтому от «поверхностной экологии» важно перейти к «глубокой экологии», суть которой состоит в том, «чтобы задавать более глубокие вопросы» [8]. Зачем? Для того чтобы понять, всегда ли предлагаемые сегодня формы и модели экологичного поведения (в разных сферах общественного бытия) решают те проблемы, которые и определили потребность в них. Кроме того, готов ли современный человек с его установками и потребностями к новой парадигме своего существования? В качестве *задач* исследования можно выделить: во-первых, выявление причин экологизации социального бытия человека, включая такой важный его элемент, как процесс общения; во-вторых, рассмотрение эффективности применения экологической модели общения относительно экзистенциальных потребностей человека. **Методами исследования** послужили гипотетико-дедуктивный метод и метод интерпретации, применяемый к источникам, составляющим *теоретическую базу* исследования, – работам философов, посвященным проблематике личностного аспекта диалога и коммуникации, ставшей одной из центральных в философских исследованиях XX века: Б. Г. Батищева, З. Баумана, Г. Марселя, Х. Ортеги-и-Гассета, П. Тиллиха.

За «поверхностной экологией» скрывается так называемая «антропологическая катастрофа» (М. Мамардашвили) и связанная с ней дегуманизация жизни человека и культуры. Причина этой катастрофы – кризис человеческого сознания, или «ситуация разрушенного сознания». Как и почему это стало возможно? Особенность человеческого бытия, с точки зрения философской антропологии, в том, что человеку *все* в своей жизни, *включая самого себя*, «нужно (снова и снова) превращать в ситуацию, поддающуюся осмысленной оценке и решению». Осмысление предполагает «первоакты или акты мировой вместимости (абсолюты)», позволяющие человеку «вместить мир и самого себя как его часть, воспроизводимую этим же миром в качестве субъекта человеческих требований, ожиданий, моральных и познавательных критериев» [11]. Обозначенные первоакты – это и «факты разума» («осуществленное сознание»), и исток *автономного* мышления, которое создает ценности, смыслы, определяющие поведение человека и жизнь общества. Поскольку удерживать себя в состоянии «осуществленного сознания» непросто, в определенном момент развития цивилизации человек делает выбор в пользу «поддержки» своего мышления внешними «формальными механизмами», созданными той же цивилизацией. Одним из таких поддерживающих и задающих как мышление, так и практику человека «механизмов» оказалась *техника*. Мысль не только мир вокруг себя, но и себя «под знаком техники», человек «все более и более стремится рассматривать себя самого как единственное существо, способное придать миру смысл, которого тот, взятый сам по себе, кажется полностью лишенным» [12, с. 214]. В этом и проявляется кризис человеческого сознания: технократизация мышления, связанная с техническим обесцениванием мира и жизни, которые все меньше рассматриваются как *благо само по себе*. Человек начинает оценивать себя относительно техники: будучи «существом до-техническим», все *естественное* в себе человек стремится преодолеть. Объектами изменений становятся тело, способы коммуникации, формы взаимоотношений, язык, порядок частной и общественной жизни. В итоге, «человеческое», в его «несводимости к человекообразным функциям машины», постепенно рискует стать чем-то «редким, диковинным, удивительным» [17, с. 127]. В связи с этим, в *озабоченности* экологией среды, включая условия и способы собственного *повседневного* существования, можно увидеть желание человека сохранить формы жизнедеятельности, способности, которые постепенно «утрачиваются или архаизируются» в результате технологизации различных сфер жизни общества, включая и биотехнологическое самоулучшение человека.

Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к изменению социальной структуры. Поэтому понятие «информационное общество» больше не отражает специфику современной социальной реальности. Так, М. Кастельс акцентирует в своих работах внимание на том, что новые технологии формируют и личную, и групповую деятельность, создавая тем самым структуру « сетевого общества » и новую субкультуру – «реальную виртуальность» [15]. Глобальные разветвленные информационные «сети», связывающие различные элементы, и высокая скорость обмена информацией между элементами – это *новая коммуникативная сетевая среда*, где «виртуализация» социальных контактов требует от человека гибкости и постоянного нахождения в информационном потоке. Направленные на индивидуальное использование коммуникативные технологии и средства масс-медиа становятся средствами «*технического исправления*» человека: во-первых, становятся возможны манипуляции коммуникацией и поведением; во-вторых, возможно создание искусственных социальных общностей и последующее управление ими с помощью «социальных технологий». Вместе с этим на фоне идеологии «бесконечного и избыточного потребления», о котором говорил Ж. Бодрийяр применительно к социальному бытию современности, «медийный человек» все больше принуждается к *потреблению* информации как форме дистанционного виртуального участия, предлагаемой информационными технологиями, которой он безапелляционно доверяет. Разнообразие и быстрота потока информации провоцируют человека на отказ от способности к рефлексии, от «факта разума». Именно тотальность и безусловность информационной сетевой коммуникации актуализируют проблему *экологичности* (как *безопасности* для личности) форм и способов современной коммуникации, а также сохранения самоценности реальных социальных взаимодействий и специфики реальной коммуникации.

Ярким примером небезопасности современного виртуального общения является феномен кибербуллинга (от англ. bullying – «издевательство»), производное слово от bully – «хулиган») – социальной жестокости

«онлайн»), выраженной в систематических агрессивных действиях, реализуемых при помощи разных электронных форм взаимодействия. Цель кибербуллинга – унижение жертвы, внушение страха, стыда, чувства беспомощности, разрушение ее реальных и виртуальных социальных связей. Кибербуллинг – новую форму жестокости в межличностном взаимодействии – отличает множество потенциальных свидетелей травли и доступность потенциальной жертвы через разнообразные электронные каналы. Технологии сохраняют *анонимность* преследователя, при этом сама возможность «не быть идентифицированными приводит к феномену растормаживания: без угрозы наказания и социального неодобрения люди говорят и делают вещи, которые бы не стали говорить и делать под своим именем, позволяя себе гораздо больше, чем привыкли в обычной жизни, где они несут ответственность за свои поступки и высказывания» [4, с. 187]. Кибербуллинг оказывается более сложной и агрессивной формой, нежели реальный буллинг. Виртуальное общение порождает трудности в контроле и выражении собственных эмоций и эмпатии, которые «испытывают люди, зависящие от социальных сетей и выработавшие рефлекс подбора картинок под те или иные языковые паттерны вместо выражения собственных эмоций в ответ на описываемые этими паттернами ситуации» [5, с. 68].

Небезопасность и опосредованность современной коммуникации (где виртуальность постепенно определяет реальное общение), при максимальной сетевой связанности, дополняется предельной атомизацией. Это «общество индивидуумов» (Н. Элиас), которые отказываются от всего архаичного в себе (до-технического), демонстрируя новую социальную стратегию взаимодействия, которая поддерживается коммуникационными технологиями как на структурном (информационные сети), так и на личностном уровне:

1. Желание реализовывать, прежде всего, *свою* свободу выбора, как желание быть собой и одновременно «быть кем-то иным». «Чувствовать себя свободным» – значит создавать формы поведения и взаимодействия, которые позволяют «освободиться от общества», уйдя от его контроля. Озабоченные собственными интересами, игнорирующие идеи и желания «других», индивидуумы «до краев заполняют общественное пространство, претендуя на то, чтобы быть его единственными законными обитателями, и вытесняют из публичного дискурса все остальное» [2, с. 45]. Теперь «общественное пространство» максимально колонизируется «частным», а «общие интересы» становятся редкостью. Все это возможно благодаря пространству и способам виртуальной коммуникации, которые дарят индивиду ощущение свободы в смысле доступности и скорости получения информации или создания связей, мобильности выбора и конструирования собственных образов и новых идентичностей (которые могут быть невозможны для него в реальности). В виртуальном пространстве можно прятать свое реальное Я за многочисленными аватарами и «разнообразными selfie, посредством которых человек составляет свой идеальный виртуальный образ», в реальности которого он убеждает других и самого себя [10, с. 155].

2. Подозрительность и отказ от всякого рода долгосрочных проектов и уз, крепких стабильных социальных связей (традиционные паттерны и формы коммуникации) индивидуумы объясняют быстротой происходящих изменений. В этих условиях речь о взаимной ответственности и взаимных обязательствах, связанных с длительными и глубокими личными отношениями, уже не идет.

3. Текучесть и избыточность жизни «общества потребления» подчиняют себе индивидуума: стремясь успеть везде, он не задерживается надолго нигде, поэтому вступает во *временные фрагментарные*, а потому поверхностные, но разнообразные отношения. В последних «нет места пробам и ошибкам», возможности вернуться и их исправить, поскольку индивид захвачен движением вперед, динамикой жизни. В этих условиях медийное пространство, символизируя собой и определяя изменчивость жизни и ее динамичность, утверждает разрыв связи «между информацией и человеческим целеполаганием, информация появляется беспорядочно, никому конкретно не предназначенная, в огромных объемах, на высокой скорости передачи и распространения и одновременно оторванная от какой-либо теории, смысла и цели» [7, с. 235]. Так, у человека почти не остается времени не только на длительные отношения, но и на критическое *осмысление себя*. Мышление тем самым лишается своей *автономности*, что превращает человека одновременно и в субъект, и в объект медиаманипуляций, свидетельствуя о *кризисе сознания*.

Технологизированная коммуникация вытесняет и выхолащивает *общение*, лишая его истории и глубины, лишая его драматичности, интимности и утонченности. Если коммуникация – это «социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях массового и межличностного общения с помощью различных коммуникативных средств», то само по себе общение – больше, чем коммуникация: его цель – создать и сохранить *событие со-причастности участников общения*, которое имеет для человека большую ценность, чем сохранение своей свободы и безопасности. Необходимость в глубинном взаимоотношении с другим является фундаментальной экзистенциальной установкой человека. Так, Г. С. Батищев, вводя понятие «глубинное общение», обозначает специфику уровня коммуникации, связанного с экзистенциальным становлением личностей, опосредованным свободой и открытостью сознания, в процессе их взаимодействия. Главным содержанием глубинного общения являются процессы духовно-экзистенциального самоопределения личности, принципиально не сводимые лишь к процессам передачи информации и освоения деятельностных форм [Цит. по: 6, с. 136]. Онтологическую ценность взаимодействия П. Тиллих объяснял спецификой человеческого бытия: *небытие и отчуждение* угрожают человеку двойко – и потерей Я, и потерей мира. Потому самоутверждение собственного бытия оказывается *двусторонним и противоречивым*: есть желание быть самим собой и есть желание быть с другими (стремление к единению). Человек онтологически, стремясь противостоять небытию, принужден одновременно «быть частью» того, от чего человек обособлен, и «быть собой», утверждая свою единственность и уникальность [16]. Индивидуализация оказывается коррелятом соучастия, где *мужество* быть *вместе* и с другим (человеком и миром) позволяет сохранять и утверждать «свое бытие».

Теоретический и практический интерес к теме экологичности общения и проблеме экологии эмоций вызван поиском *форм адаптации к условиям новой коммуникативной среды* (с ее угрозой безопасности и свободе

автономных индивидуумов), одной из причин чего является утрата способности взаимодействовать с реальностью Другого, отказ от «мужества утверждать свое бытие путем соучастия». Реальное общение представляет собой *сложный многоуровневый процесс* установления и развития контактов между людьми, который порождается потребностью в совместной деятельности, обмене информацией, выработкой единой стратегии взаимодействия, восприятия и понимания другого человека [14, с. 244]. Но подобная сложность не всегда согласуется с целями современного человека, опосредованными целями медиареальности. Достижение личностной безопасности, по мнению некоторых исследователей, связано с искренностью, доброжелательностью (т.е., как мы говорим) и этичностью как важнейшими составляющими экологичности общения: как виртуального, так и реального. Экологичность предполагает и то, что зачастую связывается с понятием «вежливости» – «уважение друг друга, готовность выслушать, а в некоторых случаях даже принять точку зрения собеседника» – определяется в качестве *способа* экологизации [7; 9]. При этом, речь не идет об *умении* выстраивать длительные отношения, поиске глубины и «своего родства и единства», общности как со всем миром, так и с другими людьми. Цель – сделать общение продуктивным и приятным. Однако неумение быть открытым жизни, т.е. «частичное отождествление и частичная нетождественность» Я и мира (П. Тиллих), приводит к подозрительному и агрессивному реагированию на то, что окружает человека и воспринимается им как чуждое и опасное. Агрессия – не случайный симптом современной культуры. Сдерживать агрессию сегодня призваны «внешние агенты» – закон, идеология толерантности и равенства, вырабатываемые правила и модели общения, в частности – экологичного общения. Но и в этом случае агрессивность вкупе с легитимностью автономии порождает у человека чувство беспокойства и страх самоотчуждения. В этой ситуации вежливость перестала быть проявлением солидарности, благодаря чему Я утверждает себя как «участник» чего-то, по причине того, что «только в постоянных встречах с другими личностями человек обретает и сохраняет собственную личность» [16]. Вежливость на деле оказывается деятельностью, которая «защищает людей друг от друга и тем не менее позволяет им наслаждаться компанией друг друга. Ношение маски – сущность вежливости. Маски дают возможность стерильного общения, отделенного от власти обстоятельств, нездоровья и личных чувств тех, кто их носит. Вежливость имеет целью защиту других от бремени самого себя» [2, с. 104]. Вежливость оказывается *маской общения*, поддерживающей его на уровне «соприкосновения извне» между независимыми индивидами. Такое общение-соприкосновение «ни к чему слишком судьбическому не обязывает», это всего лишь «процесс текстовых, жестовых и эмоциональных сообщений, циркуляции информации» [1]. Цель такой вежливости – оптимизация взаимодействия и поддержание экологии эмоций в коммуникации. Скрываемые за маской вежливости страх и неуверенность за собственную свободу позволяют говорить о неоднозначности набирающей сегодня популярность практики «экологичного общения». Последняя позволяет поддерживать положительный эмоциональный настрой в процессе общения, но адресант и адресат, в этом случае, реализуют, прежде всего, поставленные в конкретной эмоциональной ситуации *собственные* цели, не достигая солидарности и самоутверждения.

Экологичность, казалось бы, должна разрешить проблему причинения реального вреда участникам общения. Например, так называемые ятрогенные заболевания, причина которых – неквалифицированные действия или слова врача, причиняющие вред психике или организму. *Язык* (речь, слова) оказывается важнейшим терапевтическим средством, применение которого определяет ответственность говорящего (врача) по отношению к слушающему (пациенту). Роль слов важна при любом общении. Поэтому способы реализации экологичного общения связаны с использованием языковых конструкций и основаны на принципах нейролингвистического программирования. Моделирование речи позволяет *управлять* процессом коммуникации и субъектом(-ми) коммуникации. Однако управление делает общение еще более небезопасным: возможность *моделирования* экологичных эмоций и поведения у партнера оказывается связана с *манипулятивностью*. Кроме того, экологичность требует, чтобы в общении представленная информация была нейтрализована, а точнее, избирательно представлена («стерильное общение») и освобождена от уникальности и непредсказуемости *события общения*. Но общение, «глубинное общение» не есть «средство раскрытия, обнаружения как бы уже готового характера человека; нет, здесь человек... впервые становится тем, что он есть... не только для других, но и для себя самого» [3, с. 80]. Иначе говоря, индивидуализация возможна в общении, которое может быть небезопасным, которое не имеет никаких «внешних опор» и заранее установленных правил. Хотя первой грезят атомизированные индивидуумы, они оказываются не способны на нее, поскольку не в силах отказаться от защиты в виде правил экологичного общения. Экзистенциальная потребность *быть* не реализуется в той мере и тем способом, которым это возможно.

«Забота» о безопасности участников общения свидетельствует о том, что утрачивается один из фундаментальных для человека навыков – навык взаимодействия: *«никто не знает, как с кем-либо говорить»*. Важнейшая и определяющая характеристика любой коммуникации – *«коммуникация принципиально проблематична»* (Х. Ортега-и-Гассет), поэтому она требует *осознанности и ответственности*, что в условиях кризиса сознания оказывается навряд ли возможно. Любая встреча «двух одиночеств», с позиций философии, – это долгий путь достижения взаимопонимания как «обретения общности при сохранении различий»; объединение через доверие и принятие, но никак не достижение безопасности. *Общение – это риск*, требующий *мужества*. Вежливость по отношению к «частной жизни индивида» и его эмоциям здесь уступает место поиску и созданию «реальной общности» или «мы-отношений», где Ты и Я образуют такое единство, которое даже может противостоять другим – отделению «от всех “Них”» [13, с. 558]. В этом отношении *предлагаемая* модель экологичной коммуникации обнаруживает себя как *современная* ритуализированная форма общения «атомизированных индивидуумов». Необходимо признать, что экологичное общение может решить ряд вопросов в условиях технологизации и формализации коммуникации. Однако, когда возникает необходимость узнавать и учитывать личность собеседника, обнаруживается ограниченность экологичного

общения. Например, в деятельности врача при диагностике психосоматического характера патогенеза соматических заболеваний, при реализации индивидуального подхода в процессе длительного терапевтического лечения пациентов, имеющих хронические заболевания.

Таким образом, в качестве *вывода* можно признать: экологичность целесообразна в формально-ролевом, светском и примитивном общении. Указанные виды общения характеризуются кратковременностью и поверхностностью, не предполагают взаимных обязательств, а значит осуществляются на фатическом (*фатическое общение*) и информационном уровнях, что позволяет быстро установить психологический контакт с собеседником посредством проявления доброжелательности в общепринятых формах вежливости. Однако только субъект, способный заново поставить вопрос о смысле и ценности общения, может конгруэнтно осуществлять экологичное общение, обнаружив за поверхностной скоротечностью коммуникации глубокий уровень общения. В этом случае реализуется потребность в подлинной коммуникации, благодаря которой преодолевается атомизация и достигается собственная индивидуализация, сохранить которую возможно лишь принимая небезопасность и риск реального общения.

Список источников

1. **Батищев Б. Г.** Особенности культуры глубинного общения [Электронный ресурс] // Батищев Б. Г. Избранные произведения. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. С. 505-538. URL: <https://iph.kz/doc/ru/812.pdf> (дата обращения: 01.03.2020).
2. **Бауман З.** Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. **Бахтин М. М.** Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1963. 361 с.
4. **Бочавер А. А., Хломов К. Д.** Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 3. С. 177-191.
5. **Гончарова А. А.** Деструктивное влияние социальных сетей на взаимосвязь языка и мышления в контексте медиа-экологии // Вестник Томского университета. 2019. № 444. С. 65-71.
6. **Даренский В. Ю.** Философско-антропологическая концепция Г. С. Батищева: «Человек восходящий» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 135-140.
7. **Ивлева М. И.** Социально-коммуникативное пространство и экология коммуникации // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 2. С. 230-235.
8. **Капра Ф.** Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. К. – М.: София; ИД «Гелиос», 2002. 336 с.
9. **Колосова (Солодовникова) Н. Г.** Юмор как средство экологизации общения // Современные проблемы гуманитарных наук в мире: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции. Казань, 2015. Т. 2. С. 54-58.
10. **Маковецкая Е. Н.** SELFIE как способ бытия и самопрезентации современной молодежи в виртуальном пространстве // Современный ученый. 2017. Т. 2. № 1. С. 151-157.
11. **Мамардашвили М. К.** Сознание и цивилизация [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5479> (дата обращения: 05.03.2020).
12. **Марсель Г.** Священное в эпоху техники // Марсель Г. О смелости в метафизике. СПб.: Наука, 2012. С. 212-229.
13. **Ортега-и-Гассет Х.** Человек и люди // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь мир, 2000. С. 480-698.
14. **Психологический словарь** / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
15. **Серкина Н. Е.** Понятие сетевого общества М. Кастельса [Электронный ресурс] // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 2 (41). С. 161-169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-setevogo-obschestva-mkastelsa/viewer> (дата обращения: 25.05.2020).
16. **Тиллих П.** Мужество быть [Электронный ресурс]. URL: www.odinblago.ru/muzhestvo_bit (дата обращения: 25.05.2020).
17. **Эпштейн М. Н.** От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.

Ecologization of Communication amidst “Anthropological Catastrophe”

Lobova Tat'yana Gennad'evna, PhD

Razhina Natal'ya Yur'evna, PhD

Omsk State Medical University

kafphil@mail.ru

Makovetskaya Elena Nikolaevna, PhD

Financial University under the Government of the Russian Federation (Branch) in Omsk

Federationromanova_x@mail.ru

The study aims to conduct a philosophical analysis of the idea of “ecological communication” underlying the modern model of communication. Ecologization is understood as a form of “nonviolent communication”, which makes communication process most effective for all the participants. However, the authors think that this standpoint should be complemented by the philosophical and anthropological approach emphasising existential conditionality of communication. Problematising “ecological communication” in relation to the informative and deep levels of communication, the authors believe that scientific novelty of their work lies in determining ambiguity of communication ecologization, contradiction between it and a person’s existential self-determination, which is a result of dialectic correlation between individualisation and joint participation. The attained results have shown that technologization of communication process and change in the modern individual’s attitudes to social existence make it possible to detail situations of interpersonal interaction, in which ecological communication does exhibit its relevance and usefulness acting as a form of adaptation to the conditions of new communication environment.

Key words and phrases: ecologization; individualisation; ecological communication; “anthropological catastrophe”.